

По стопам Алигьери

Пабло Неруда, «Сто сонетов о любви» в пер. Сергея Крюкова, Волгоград, 2023, «Перископ-Волга».

«Суровый Дант не презирал сонета...» – эта пушкинская строка известна каждому, кто не равнодушен к судьбе нашей словесности. Сонет, как известно, одна из самых строгих и ответственных форм поэзии, которая значительно ограничивает полёт авторской фантазии. Но почему-то стихотворцы разных эпох, языков и народов упорно прибегали к этому средству самовыражения. Значит, есть в ней что-то притягательное – не только же из желания преодолеть сопротивление материала! Так что же тогда?

Происхождение термина итальянское (sonetto означает – песенка) и подразумевает в своей основе нечто музыкальное, но когда начинаешь разбираться в литературном материале, то убеждаешься, что всё не так-то просто. На самом деле, в форме сонета всегда содержится начало рациональное, рассудочное. Это – не песни и пляски на лужайке, а нечто более глубокое, а именно – мысль.

В каноническом понимании, сонет это – четырнадцать строк, состоящих из двух катренов и двух терцетов, особым образом организованных с точки зрения смысла и рифмовки. В плане архитектоники это предполагает спокойное начало, заключающее в себя тезис и антитезис, возможный конфликт, который приходит к стремительному и энергичному разрешению.

Но это всё выглядит стройным только в теории, на деле же никто не может приказать поэту строго придерживаться этих правил. Поэту вообще никто не в состоянии что-либо приказывать – он гуляет сам по себе. И вот на смену классическим стихам Франческо Петрарки приходит шекспировский сонет. К нему же обращается португальский классик Луиш де Камойнш (даю его имя в национальной огласовке). Райнер Мария Рильке создаёт свой цикл «Сонеты к Орфею». А потом и вовсе пошло-поехало: опрокинутый, безголовый, хромой, половинный, сонет с кодой... Можно спорить, насколько они могут с уверенностью к этой форме относиться, но генетический код сонета в них присутствует.

Твёрдая форма. Но те только форма: в сонете мы обнаруживаем ответственные черты и стихотворного жанра, который призывает автора к некоторым правилам. Это проявилось и в бытовании сонета в русской поэзии: Тредиаковский, Ломоносов, Державин, Жуковский, Пушкин с его

«онегинской» строфой, Блок привносил в понимание этой формы нечто своё, новое. Редкий отечественный стихотворец прошёл мимо этой творческой возможности.

Уже в одном из первых русских сонетов (в 1986 году «Московским рабочим» был издан сборник «Русский сонет», давно ставший библиографической редкостью) В.К. Третьяковским была задана высокая планка литературного мастерства. При некоторой тяжеловесности его стиха (сам язык тогда был ещё не готов к решению задач национального масштаба) эти строки поднимают важнейшие богословские вопросы:

Боже мой! Твои судьбы правости суть полны!
Изволяешь ты всегда к нам щедротен быти;
Но я тако пред тобой человек зол дольный,
Что уж правде мя твоей трудно есть простити...

Важно понять и то, что сонеты редко рождаются в единичном порядке, они тяготеют к последовательности, цикличности. Неслучайно поэтому возникновение таких форм как венок сонетов, корона сонетов и т.д.

Что касается сонетов, переведённых Сергеем Крюковым, то тут нужно сказать, что он старается не отходить здесь от привычной формы. При этом его переводы не выглядят академичными или же старомодными. Он не является автором, ощущающим себя затворником в башне из словной кости, в его стихах остро чувствуется биение современной жизни. Переводчик не стремится «задрать штаны бежать за комсомолом», рядиться в рокера или, не дай Бог, в рэпера, но ритмы современной жизни неизбежно вовлекают его в свой круговорот:

Люблю тебя, клочок моей Вселенной,
За то, что на космических полях,
Всю многогранность мира восприняв,
Его ты повторяешь совершенно.

Вобрав лучи заоблачных просторов,
Глаза моей звезды мне дарят свет,
Трепещет кожа, как неверный след
Из космоса летящих метеоров...

Мне вспоминается один эпизод из юности. Когда летом и осенью 1973 года в далёкой стране Чили происходили драматические события, приведшие к военному перевороту, все наши симпатии были на стороне Сальвадора Альенде, Луиса Корвалана, Виктора Хары. У нас в школе был организо-

ван патриотический вечер в поддержку чилийских демократов. Там звучала песня Владимира Мулявина «Памяти Виктора Хары». Мне было поручено выучить и прочесть на нём одно из последних стихотворений Пабло Неруды, чей уход из жизни драматично совпал с политическим кризисом.

Но больше всего меня тогда поразило то, насколько немолодой уже поэт демонстрирует свой неуёмный темперамент: «...по ночам, когда сплю, огромный, в кольце твоих быстротечных рук...» Так мог написать только мужчина, который до бесконечности любит жизнь, природу, свою дорогую женщину Матильду. А потом уже была рок-опера Алексея Рыбникова «Жизнь и смерть Хоакина Мурьеты» на сцене Театра имени Ленинского Комсомола.

Перевод ста сонетов Пабло Неруды, исполненный Сергеем Крюковым, подтверждает, что своего огненного темперамента поэт не терял никогда. Его стихи молоды, горячи, чувственны, что, собственно, и характерно для жителя Латинской Америки:

Твой голос, губы, каждый волос твой...
Без них я даже хлебом сыт не стану.
Рассветный луч подобен лишь туману:
Ищу во тьме ручей шагов живой.

Я пил бы смех, летящий трелью вдаль,
И руки цвета вызревшего хлеба,
И ногти тона утреннего неба,
И кожи розовеющий миндаль...

Как жажду я огня красы твоей,
Любой черты лица, что всех милей,
Твоих ресниц неуловимой тени!..

Изголодавшись, я ищу твой след –
По запаху, по звуку – сердца свет,
Как леопард, вдыхая дух смятений.

Легко убедиться, что классическая и кому-то кажущаяся старомодной форма сонета нисколько не вредит свежести мировосприятия. Впрочем, какая она старомодная? Сонеты писали, пишут и будут писать через пятьсот лет.

Примечание:

Сергей Казначеев – д.ф.н., живёт в Москве.